

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

На правах рукописи

Козловская Маргарита Германовна

**Преступное сообщество:
сравнительный
криминологическо-правовой анализ**

**Специальность 12.00.08 —
Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

*Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук*

Омск 2021

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского».

Научный руководитель:

Клеймёнов Михаил Петрович, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Официальные оппоненты:

Белоцерковский Сергей Дмитриевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов об оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет Генеральной прокуратуры Российской Федерации» (г. Москва);

Иванцов Сергей Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя» (г. Москва)

Ведущая организация:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет»

Защита состоится 15 июля 2021 г. в 10⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 203.010.01, созданного на базе федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», по адресу: 644092, г. Омск, пр. Комарова, д. 7, зал заседаний ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (<http://www.omamvd.ru/diss>).

Автореферат разослан « ____ » мая 2021 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат юридических наук,

доцент

Николаев Константин Дмитриевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. XXI в. характеризуется стремительным развитием вызовов и угроз криминального характера: терроризма и экстремизма; незаконной миграции и торговли людьми; незаконного оборота наркотиков и оружия; коррупции и легализации средств, полученных преступным путем; геноцида, экоцида и иных преступлений международного характера. За этими и другими криминальными явлениями просматривается организационная деятельность определенных субъектов. «Увеличиваются масштабы транснациональной организованной преступности, появляются новые криминальные центры силы, аккумулирующие значительные ресурсы и последовательно расширяющие сферы своего влияния, в том числе путем проникновения во властные структуры различных государств, финансовые и экономические институты, установления связей с террористическими и экстремистскими организациями»¹. Закономерно, что Стратегией национальной безопасности Российской Федерации в качестве основных угроз определены: деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти; деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривластной и социальной ситуации в стране; деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, организацией незаконной миграции и торговлей людьми².

Реагируя на эти вызовы и угрозы, российский законодатель дополнил Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) ст. 205⁴ «Организация террористического сообщества и участие в нем», ст. 205⁵ «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации», ст. 282¹ «Организация экстремистского сообщества», ст. 282² «Организация деятельности экстремистской организации», которые расшири-

---

¹ *Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации* : указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49, ст. 6886.

² *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* : указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Там же. № 1, ч. 2, ст. 212.

ли понятие преступного сообщества (преступной организации), сформулированное в ст. ст. 35 и 210 УК РФ. Это ставит перед российской наукой уголовного права задачу развития учения о преступной организации и преступном сообществе, которую нельзя признать решенной.

С криминологической точки зрения можно предположить, что преступное сообщество характеризуется наличием ряда признаков, определяющих его самостоятельное место в структуре и динамике организованной преступности. Чтобы выявить такие признаки и установить это место, необходимо проведение отдельного криминологического-правового исследования.

С позиции современного развития науки криминологии очевидно, что такое исследование должно быть сравнительным. Во-первых, изучение преступных сообществ проводится за рубежом почти полтора столетия³. Во-вторых, зарубежные ученые и практики предлагают достаточно эффективные подходы и меры борьбы с организованной преступностью и ее менеджерами. Поэтому игнорировать накопленный мировой наукой и практикой в этом отношении опыт не только неразумно, но и безответственно.

В 2013 г. зарегистрировано 661 преступление террористического характера, в 2014 г. — 1128, в 2015 г. — 1538, в 2016 г. — 2227, в 2017 г. — 1871, в 2018 г. — 1679, в 2019 г. — 1806, в 2020 г. — 2342. Динамический ряд преступлений экстремистской направленности за эти годы выглядит следующим образом: 686, 1034, 1329, 1450, 1521, 1265, 585, 833. Если экстраполировать эти показатели с помощью метода наименьших квадратов, то они выявляют некоторую тенденцию к росту. Такой же вывод можно сделать при анализе статистики зарегистрированных за 2013–2019 гг. преступлений по ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)»: 251, 255, 285, 252, 198, 274, 269. В то же время сопоставление показателей числа выявленных и осужденных преступников за организацию преступных сообществ и участие в них показывает, что в среднем (в медианном значении) за указанный период по ст. 210 УК РФ был осужден каждый седьмой преступник, по ст. 282¹ «Организация экстремистского сообщества» — каждый десятый, по ст. 205⁴ «Организация террористического сообщества и участие в нем» — один из тридцати установленных. Это со всей очевидностью указывает на некоторые недостатки уголовного законодательства и практики его применения, на важность их научного анализа и устранения.

Сказанное свидетельствует об актуальности избранной темы исследования.

Степень разработанности темы диссертационного исследования.

Характеристика преступных сообществ представлена в исторических трудах Аппиана Александрийского, Плутарха, Тацита, Светония, Иосифа Флавия, исследована в работах историков Т. В. Андреевой, Ф. Архенгольца, А. С. Баранова, Е. В. Барыпкина, Ч. Гекертон, Р. А. Городницкого, Э. Конста-

---

³ *Alongi G.* La mafia nei suoi fattori e nelle sue manifestazioni: studio sulle classi pericolose della Sicilia. Torino, 1886. 181 p.

ма, Л. М. Пахомовой, А. И. Фурсова, Г. Шустера, Ч. Эдисона, О. В. Эйдельмана и др., что позволяет установить закономерности не только их возникновения, но и борьбы с ними. Феномен организованной преступности анализировался в монографиях, диссертациях, научных статьях отечественных криминалистов и криминологов П. В. Агапова, Ю. М. Антоняна, С. Д. Белоцерковского, В. М. Быкова, В. Н. Бурлакова, Л. Д. Гаухмана, Ю. В. Голика, Д. В. Григорьева, Е. А. Гришко, А. И. Гурова, А. И. Долговой, С. В. Дьякова, А. М. Иванова, С. В. Иванцова, В. Е. Квашиса, М. П. Клеймёнова, И. М. Клеймёнова, К. В. Кузнецова, С. Я. Лебедева, В. В. Лунеева, И. М. Мацкевича, А. Н. Мондохонова, Н. А. Морозова, В. С. Овчинского, В. А. Попова, А. Л. Репецкой, М. В. Сипки, П. А. Скобликова, В. Н. Скотининой, Е. В. Топильской, Ю. А. Цветкова, А. В. Шеслера, С. А. Юдичевой, Т. В. Якушевой и др. Они создали методологическую основу криминолого-правового анализа преступных сообществ, требующую реализации и развития.

В работах зарубежных ученых Г. Абадинского, Д. Алонджи, П. Арлачи, А. Блока, Хэ Бинсуна, К. Вольферена, Д. Гамбетты, Д. Дикки, А. Калдероне, Д. Каплана, Р. Катанзаро, К. Михаугта, Л. Паоли, А. Рэнкина, Ан Чена, Ю Конг Чу и др. освещены такие преступные организации и сообщества, как мафия, ндрангета, каморра, триады, борёкудан, показаны их общие черты и национально-этнические особенности, выделены закономерности их развития в системе общественных отношений, изложен опыт борьбы с организованной преступностью, что намечает новые контуры научного исследования поставленной проблемы и расширяет поиск практических инструментов ее решения.

Объект и предмет исследования. *Объектом* выступают общественные отношения, существующие в связи с возникновением и развитием организованной преступной деятельности и государственно-правовым реагированием на нее.

Предметом являются преступные сообщества как форма организованной преступности, закономерности их возникновения и развития, криминологическая характеристика, подходы к оценке их общественной опасности, уголовно-правовые и криминологические меры противодействия организованной преступной деятельности в различных государствах.

Цель и задачи диссертационного исследования. На основе углубленного анализа фундаментальных исследований проблемы организованной преступной деятельности, ее дискуссионных аспектов, нормативного материала определить универсальное содержание понятия преступного сообщества и сформулировать рекомендации по совершенствованию законодательства о противодействии экстремизму и терроризму, борьбе с организованной преступностью в Российской Федерации.

Достижение поставленной цели предполагает реализацию следующих задач:

1. Уголовно-правовой и криминологический анализ преступного сообщества как формы организованной преступности.

2. Исторический обзор возникновения и развития преступных сообществ.
3. Криминологическая характеристика преступных сообществ с «мировой репутацией»: мафии, триад, борёкудан, воровского сообщества.

4. Изучение и обобщение оригинального зарубежного опыта борьбы с организованной преступностью и деятельностью преступных сообществ в Японии, Италии, США, Грузии.

5. Анализ тенденций противодействия организованной преступности и пресечения деятельности преступных сообществ в России.

Теоретическую основу исследования составляют труды специалистов в области методологии науки, философии, истории, социологии, экономики, этнологии, политологии, теории права, уголовного права и криминологии, список которых превышает 300 наименований.

Нормативной базой исследования выступили Конституция Российской Федерации, законодательные памятники российского государства, уголовное законодательство РСФСР, федеральные законы и законопроекты Российской Федерации, посвященные противодействию организованной преступности, экстремизму и терроризму, Уголовный кодекс Российской Федерации, законодательные акты и уголовно-правовые нормы зарубежных государств, регулирующие предупреждение и пресечение организованной преступности, другие нормативно-правовые источники и официальные документы.

Научная новизна определяется целями и задачами, которые были поставлены, а также выражается в комплексном криминологическом подходе к анализу темы. Выявлены закономерности возникновения и развития преступных сообществ общеуголовной и политической направленности. С комплексных методологических позиций проанализирована деятельность мафии, триад, борёкудан, воровского сообщества, что позволило получить новые знания об их прошлом и будущем. Установлены эмпирические признаки специфики преступного сообщества как самостоятельной формы организованной преступной деятельности, сформулировано криминологическое определение, выражающее его сущность.

Теоретическая и практическая значимость работы. В диссертационном исследовании раскрыты методология и методика проведения сравнительного криминологического исследования, показаны необходимость и целесообразность использования зарубежного опыта борьбы с организованной преступностью, который в обобщенном виде представляет собой императивы законодательной и правоприменительной деятельности в этом направлении.

Практическая значимость определяется тем, что автором сформулированы рекомендации, направленные на совершенствование законодательства Российской Федерации в части противодействия экстремизму и терроризму, изменение редакций ст. 282¹ «Организация экстремистского сообщества», ст. 205⁴ «Организация террористического сообщества и участие в нем» УК РФ, предложены организационные меры по оптимизации борьбы с организованной преступностью.

Методология и методы исследования. Методологическая основа исследования характеризуется использованием диалектического, сравнительно-исторического, сравнительно-правового, формально-догматического, социологического, статистического методов. Применялись анализ и синтез фактографического материала, системный и синергетический подходы, опрос, экспертные оценки, обобщающие показатели, моделирование, экстраполяция выявленных уголовно-политических тенденций в сфере противодействия организованной преступности в России.

Положения, выносимые на защиту:

1. С криминологической точки зрения преступное сообщество не может быть сведено к преступной организации и тем более к организованной преступной группе. Преступное сообщество — это *высшая форма организации криминалитета, осуществляющего такие криминальные практики (а также симбиоз криминальных и легальных практик), которые оказывают влияние на жизнедеятельность относительно широких масс населения в целях обладания властью, инфильтрации во власть, подрыва власти, ее захвата и удержания.* Существуют эмпирические индикаторы преступного сообщества, отличающие его от преступной организации.

2. Преступные сообщества возникают на основе стремления к выживанию и развиваются, мотивируемые жадной обогаченности. Наиболее благоприятные условия для их развития — периоды войн, социальных смут и потрясений; именно они вносят существенный вклад в реализацию криминальной экономики и теневых политических практик, что обеспечивает возможность их инфильтрации в политику.

3. Преступные сообщества в различных государствах имеют общие, отвечающие современным вызовам характеристики и специфические черты, обусловленные национально-этническим менталитетом и особенностями государственно-правового развития. Существуют наработанные мировым опытом императивы противодействия их деятельности, которые необходимо реализовывать в процессе борьбы с организованной преступностью в России.

4. Законодательные дефиниции экстремистского сообщества и террористического преступного сообщества не соответствуют их общественной опасности, поскольку они сводят последние к организованной преступной группе, которая в иерархии форм соучастия находится ниже преступной организации.

5. *Экстремистское сообщество* — это объединение лиц, осуществляющих координацию преступной деятельности экстремистской направленности, создание устойчивых связей между экстремистскими организациями, разработку планов и создание условий для совершения преступлений экстремистской направленности организованными группами или преступными организациями, включая их финансирование, идеологическую и боевую подготовку их членов, а равно участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп или преступных организаций

в целях совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности.

Такое определение необходимо включить в виде пункта 2.1 в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁴. Кроме того, названный Федеральный закон должен быть дополнен статьей 1.1. «Перечень преступлений экстремистской направленности».

Диспозицию части 1 ст. 282¹ УК РФ «Организация экстремистского сообщества» целесообразно изложить в такой редакции: «Создание экстремистского сообщества, то есть объединения лиц, осуществляющих координацию преступной деятельности экстремистской направленности, создание устойчивых связей между экстремистскими организациями, разработку планов и создание условий для совершения преступлений экстремистской направленности организованными группами или преступными организациями, включая их финансирование, идеологическую и боевую подготовку их членов, а равно участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп или преступных организаций в целях совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности».

6. *Террористическое сообщество* — это объединение лиц, осуществляющих координацию террористической деятельности, создание устойчивых связей между террористическими организациями и их членами, разработку планов и создание условий для совершения преступлений террористической направленности либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, руководство таким террористическим сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а равно участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп или преступных организаций в целях совершения хотя бы одного из преступлений террористической направленности.

Такое определение необходимо включить в ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»⁵ в качестве пункта 2.1. Одновременно эту статью необходимо дополнить пунктом 2.2 «Террористическая организация — организация, в отношении которой по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, Верховным Судом Российской Федерации принято вступившее в законную силу решение о запрете деятельности в связи с осуществлением террористической деятельности».

---

⁴ *О противодействии экстремистской деятельности*: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ : в ред. Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 429-ФЗ // Рос. газета. 2002. 30 июля ; 2020. 11 дек.

⁵ *О противодействии терроризму*: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ : в ред. Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 429-ФЗ // Там же. 2006. 10 марта ; 2020. 11 дек.

Диспозицию части 1 ст. 205⁴ УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем» целесообразно изложить в такой редакции:

«Создание террористического сообщества, то есть объединения лиц, осуществляющих координацию террористической деятельности, создание устойчивых связей между террористическими организациями и их членами, разработку планов и создание условий для совершения преступлений террористической направленности либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, руководство таким террористическим сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а равно участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп или преступных организаций в целях совершения хотя бы одного из преступлений террористической направленности».

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность и обоснованность исследования подтверждены представительной эмпирической базой, включающей статистику МВД, Генеральной прокуратуры и Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2013–2020 гг., результаты онлайн-опросов 505 граждан России об их отношении к воровскому сообществу, анкетирования 82 работников полиции по вопросам организованной преступности, 330 респондентов по оценке «АУЕ», интервьюирования 11 экспертов, имеющих опыт работы в подразделениях по борьбе с организованной преступностью, информацию Национального полицейского агентства Японии, материалы социологических исследований, осуществленных итальянскими, японскими, американскими, китайскими криминологами.

Основные положения и выводы диссертации доложены на международных конференциях «Правоприменение в публичном и частном праве» (Омск, 2019–2021 гг.), «Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики» (Красноярск, 2019 г.), «Право и экономика; национальный опыт и стратегии развития» (Новосибирск, 2020 г.), на Всероссийской научно-практической конференции «Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации» (Москва, 2019 г.), на круглом столе Российской криминологической ассоциации «Криминальная ситуация в России и антикриминальное законодательство: проблемы криминологической обусловленности закона». (Москва, 2020 г.).

Материалы диссертационного исследования внедрены в практику работы прокуратуры ЦАО г. Омска, Следственного управления Следственного комитета по Омской области, Центрального районного суда г. Омска, деятельность подразделений уголовного розыска ГУ МВД по Кемеровской области, а также в образовательный процесс Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Новосибирского государственного университета экономики и управления, Омской академии МВД России, Восточно-Сибирского института МВД России. Основные положения и выводы отражены в 11 науч-

ных публикациях, из которых 6 размещены в рецензируемых журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения, списка использованных источников, приложений. Работа выполнена в объеме, предусмотренном Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования; освещается степень разработанности проблемы; определяются объект и предмет диссертационного исследования, его цель и задачи, указываются теоретическая и нормативная базы работы; раскрывается ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость; характеризуется методология и формулируются основные положения, выносимые на защиту; приводятся сведения о достоверности и обоснованности полученных результатов, данные об их апробации и внедрении, о структуре и объеме диссертации.

Первая глава диссертации «Методология криминологического анализа преступного сообщества» состоит из двух параграфов. В *первом параграфе* исследуется преступное сообщество как форма организованной преступности.

Рассматривая различные дефиниции организованной преступности, диссертант обращает внимание, что во всех определениях указывается на наличие организованной преступной деятельности, что закономерно, учитывая само понятие, предполагающее такую организованность. Однако уровень организации может быть разным и отечественный законодатель в ст. 35 УК РФ выделяет различные ее формы (пп. 1–4).

Первые две формы соучастия образуют феномен групповой преступности, а третья и четвертая — организованной преступности. Характерно, что разграничение групповой и организованной преступности по степени организованности форм соучастия включено в практику формирования статистической отчетности в России.

Российский законодатель, а вслед за ним и правоприменитель отождествляют преступное сообщество с преступной организацией. Этот подход разделяют многие авторы (Ю. М. Антонян, Д. А. Григорьев, Е. А. Гришко, В. В. Лунеев, С. В. Петров и др.). Иная точка зрения констатирует наличие существенных различий между ними. Впервые такой взгляд обосновала выдающийся российский криминолог А. И. Долгова в проекте Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью», который в 1995 г. был принят Государственной Думой (22 ноября), одобрен Советом Федераций Федерального Собрания Российской Федерации (9 декабря), но отклонен Президентом России Б. Н. Ельциным (22 декабря). В последней редакции законопроекта

(2007 г.) преступное сообщество характеризуется как «объединение лиц, совершивших, совершающих преступления и иных для консолидации преступной среды; поддержания ее норм и обычаев; осуществления не основанного на законе контроля за разными группами лиц, объектами, сферами деятельности и территориями; развития взаимосвязей в криминальной среде, в том числе среди осужденных, отбывающих наказание в уголовно-исполнительных учреждениях, следственных изоляторах и изоляторах временного содержания; обеспечения противоправных интересов или противоправными средствами в органах государственной власти, других государственных, общественных структурах, органах местного самоуправления, организациях любых форм собственности»⁶.

Такая позиция поддерживается и другими учеными (А. Андриановым, С. Д. Белоцерковским, Т. В. Якушевой). Диссертант также полагает, что преступное сообщество отличается от преступной организации и необходимо установить эти различия, тем более что законодатель, используя термины «террористическое сообщество» и «террористическая организация», «экстремистское сообщество» и «экстремистская организация», в определенной степени презюмирует наличие данных различий. В криминологическом плане преступное сообщество — это самостоятельная форма преступной деятельности, которая характеризует феномен криминального менеджмента на высшем уровне. Преступное сообщество может руководить деятельностью двух и более преступных организаций, добиться их слияния или совершенствования организационной структуры и разделения функций в целях оптимизации, а также решает множество других стратегических и тактических задач, таких как: консолидация криминальной среды, легализация своего положения в обществе и государстве и др. Иными словами, преступное сообщество может представлять собой как ассоциацию преступных организаций с единым центром управления, так и объединение лидеров криминальной среды. Не исключены и иные виды организации криминального управления на высшем уровне.

Автором проведено анкетирование 82 сотрудников полиции, которым был задан вопрос «Существуют ли различия между преступными организациями и преступными сообществами?» Респонденты отметили, что преступные сообщества имеют более сложную структуру и более высокий уровень организации, они действуют более масштабно, их криминальные интересы, как правило, выходят за пределы региона. Преступные сообщества гораздо чаще обращаются к помощи специалистов, используют более сложные и затратные технологии для проведения операций, поддержания безопасности и уклонения от правосудия. Их деятельность, в отличие от деятельности преступных организаций, строится на долговременной основе, которая включает подбор и подготовку кадров, многоаспектное финансирование (в том числе поддержку

---

⁶ Проект Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью» // Долгова А. И. Избранные произведения. М., 2017. С. 358.

осужденных и их семей), она осуществляется исключительно на профессиональной основе. В преступных организациях нет такого уровня профессионализма. В преступных сообществах сочетание криминального бизнеса с легальным и установление транснациональных контактов является правилом, а в преступных организациях — исключением.

Следовательно, с криминологической точки зрения различия между преступной организацией и преступным сообществом заключаются в степени криминальной организованности — она более высока (причем в комплексе признаков — заметно более высока) у преступного сообщества. Изложенная точка зрения поддержана всеми экспертами. При этом необходимо учитывать, что такая организованность касается принятия стратегических решений.

В динамике генезис организованной преступности начинается с формирования организованной преступной группы, затем при наличии определенных субъективных (прежде всего качеств криминального лидера) и объективных (благоприятных социально-экономических и политических условий) детерминант наступает ее переформатирование в преступную организацию. Дальнейшее развитие, которое связано с комплексом субъективных и объективных признаков, приводит к появлению преступного сообщества, существование которого с позиций социально-исторического процесса имеет определенные временные рамки. Здесь наблюдается проявление своеобразной криминальной диалектики, когда накапливается сумма признаков, обуславливающих «скачок» — переход количества в качество. С точки зрения системного подхода преступное сообщество — это не только более сложная по сравнению с преступной организацией система. Оно характеризуется усовершенствованной структурой внутреннего взаимодействия, при которой иерархическая структура либо усложняется (включая множество преступных организаций с единым центром управления), либо вытесняется или дополняется сетевой. Особенность заключается в дополнении системного подхода синергетическим: в преступном сообществе объединение усилий криминалитета осуществляется более эффективно, главным образом в сфере внешних связей. Преступное сообщество — более открытая система по сравнению с преступной организацией, и именно в системных контактах с внешней средой (их уровне, сложности, взаимных переплетениях, прямых, обратных, непосредственных и опосредованных связях) можно выявить определенные особенности. Самая главная из них заключается в таком симбиозе криминальных и легальных практик, который оказывает влияние на жизнедеятельность целых регионов или относительно широких масс населения.

Преступное сообщество — это целеустремленная система со своей спецификой. И такая специфика усматривается в том, что оно преследует (тайно или явно, в данный момент или в обозримой перспективе) достижение политических целей, а именно: обладание властью, инфильтрация во власть, подрыв власти, ее захват и удержание. При этом следует понимать, что наряду с легальной властью существует криминальная власть, а также их симбиоз.

На основании изложенного диссертант формулирует криминологическое определение преступного сообщества как *высшей формы организации криминалитета, осуществляющего такие криминальные практики (а также симбиоз криминальных и легальных практик), которые оказывают влияние на жизнедеятельность относительно широких масс населения в целях обладания властью, инфильтрации во власть, подрыва власти, ее захвата и удержания.*

Во *втором параграфе* исследуются закономерности возникновения и развития преступных сообществ.

Анализ исторической литературы позволяет увидеть разделение всех преступных сообществ прошлых веков на два вида: общеуголовные и политические. Они четко различаются по причинам возникновения, мотивации и масштабу деятельности, составу участников и интенсивности реагирования на них со стороны официальных властей. *Общеуголовные* преступные сообщества действовали на море (пираты) и на суше (разбойники) и представляли собой большие и хорошо организованные объединения лиц из числа наемников, торговцев, а также обездоленных людей, которые путем разбоев и грабежей, торговли рабами добывали значительные богатства. В диссертации отмечаются следующие закономерности их возникновения и развития:

1) преступные сообщества общеуголовного типа возникают на основе стремления к выживанию и развиваются, мотивируемые жадностью обогащения;

2) такие преступные сообщества активно появляются и множатся в периоды войн, социальных смут и потрясений;

3) не встречая адекватного противодействия, преступные сообщества данного типа могут достичь степени общественной опасности, угрожающей государству;

4) в своем развитии общеуголовные преступные сообщества создают собственную — криминальную — экономику, которая в основном базируется на страхе и разрушении;

5) механизмы и результаты криминальной экономики подчас являются привлекательными для государственной власти, и это может служить источником симбиоза государства и преступных сообществ (например, приватизированная Англия);

6) общеуголовные преступные сообщества используются как сила в межгосударственной или межклановой борьбе, и в этом просматривается возможность их инфильтрации в политику.

Политические преступные сообщества ведут свою генеалогию от тайных сообществ: именно вторые закономерно порождают первые. Причины этого понятны: до тех пор, пока тайные сообщества не мешают светской власти, она не проявляет к ним интереса и не вмешивается в их деятельность. Более того, светская власть готова поощрять тайные сообщества, когда они действуют в унисон с ней или по ее поручению. Как только тайные сообщества начинают заявлять реальные притязания на полноту власти (экономической или политической), их объявляют преступными.

В диссертации в историческом контексте рассмотрены политические преступные сообщества ассасинов, сикариев, тамплиеров, масонов, социалистов-революционеров. Констатируется, что в современной России масоны и тамплиеры, зарегистрированные в качестве общественных организаций, не играют никакой политической роли; они, скорее, представляют собой клубы состоятельных тщеславных людей, ищущих необычных ощущений. В то же время исторический опыт убеждает, что любое тайное общество не может быть моделью социальной связи наиболее активных общественных сил. Оно выполняет другую миссию — выражать не национальные, а космополитические интересы. И поэтому, как правило, представляет угрозу национальной безопасности. Поэтому его деятельность должна подлежать выявлению и правовому регулированию. В настоящее время политические преступные сообщества имеют экстремистский и террористический характер. Задача заключается в их идентификации.

В перечне запрещенных судами экстремистских организаций (на 15 апреля 2021 г.) представлены 83 субъекта (не считая 395 региональных отделений запрещенной организации «Свидетели Иеговы»), в том числе: 46 — националистических (5 украинских, 4 татарских, 1 — башкирская, остальные — русские), 9 — языческих, 9 — исламорадикальных, 11 — псевдохристианских, 6 — футбольных фанатов, 1 сатанинская, 1 криминальной направленности («Арестантское уголовное единство», далее — «АУЕ»). Из них только «АУЕ» отвечает понятию и эмпирическим признакам экстремистского преступного сообщества, а именно: а) оно имеет единую идеологию, основанную на «понятиях» криминальной жизни; б) в нем выстроена система вербовки новых членов и организации сбора денег (поборов и рэкета) для криминального общества; в) в сообществе существует система санкций за неповиновение или поведение, не отвечающее «понятиям»; г) по оценкам экспертов, численность лиц, разделяющих идеологию сообщества, составляет несколько сотен тысяч человек; д) оно соответствует духу времени — укоренено в информационной среде, имеет сетевой характер и поэтому борьба с ним представляет значительную проблему⁷. По данным проведенного опроса граждан, такую точку зрения разделяют около 17,7% респондентов, хотя большинство из них (68,0%) склоняются к мнению об общественной опасности «АУЕ» и убеждены, что участие в его деятельности должно влечь уголовную ответственность (54,2%).

Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими, включает 33 субъекта террористической деятельности (на 15 апреля 2021 г.). Практически все они отвечают сформулированному выше понятию преступного сообщества, поэтому следует выделить

---

⁷ Клеймёнов М. П., Козловская М. Г., Савельев А. И. Экстремистское преступное сообщество «АУЕ» // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2020. Т. 17, № 4. С. 75–80.

наиболее опасные. Таковыми, на наш взгляд, являются «Аль-Каида», «Фронт победы» и «Исламское государство». Об их высокой общественной опасности говорится в резолюциях Совета Безопасности ООН от 17 июня 2014 г. № 2161⁸, от 24 сентября 2014 г. № 2178⁹. Более того, в Организации Объединенных Наций учрежден Комитет Совета Безопасности по ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-Каиде» и связанным с ними лицам, группам, предприятиям и организациям¹⁰. При этом следует видеть политическую подоплеку деятельности таких террористических сообществ, раскрывающую их искусственное происхождение. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указано, что «появление террористической организации, объявившей себя „Исламским государством“ и укрепление ее влияния стали результатом политики двойных стандартов, которой некоторые государства придерживаются в области борьбы с терроризмом»¹¹.

Вторая глава диссертации «Криминологическая характеристика преступных сообществ» состоит из четырех параграфов, каждый из которых характеризует закономерности возникновения и развития преступных сообществ с «мировой репутацией»: мафии, триад, борёкудан, воровского сообщества.

Первый параграф посвящен мафии. В своей совокупности работы об итальянской мафии создали научную традицию изучения преступных сообществ, включавшую историю возникновения (связь времен), описание внутренней системы взаимоотношений (включая самоидентификацию) и функций в социуме и характеристику динамики развития в обозримой перспективе. Итальянские исследователи выделяют сицилийскую мафию (Cosa Nostra) и итало-американскую мафию (La Cosa Nostra). Они отличаются по числу членов «семей», размаху деятельности, экономическому и политическому влиянию. В то же время они имеют общие черты: стремление легализоваться в экономической сфере и обрести политическое влияние. Общей выступает также тенденция к централизации: на Сицилии она выражается в создании провинциальных комиссий, состоящих из боссов семей, контролирующих определенные территории. Преступным сообществом следует признать итало-американскую мафию (LCN), которая являет собой исторический пример самого мощного преступного объединения в США. Что касается сицилийской мафии, то она становится преступным сообществом, когда функционирует под управлением

---

⁸ *Al-QAIDA*. URL: <https://un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1267...list...al...>

⁹ *S/res/2178* (2014). URL: [https://un.org/securitycouncil/ru/s/res/2178-\(2014\)](https://un.org/securitycouncil/ru/s/res/2178-(2014)).

¹⁰ *Комитет* Совета Безопасности, учрежденный резолюциями 1267(1999), 1989 (2011) и 2253 (2015) по ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-Каиде» и связанным с ними лицам, группам, предприятиям и организациям. URL: <https://un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1267>.

¹¹ *О Стратегии* национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1, ч. 2, ст. 212.

провинциальных комиссий и «босса боссов». Когда эта система управления разрушается, преступное сообщество исчезает: остаются действующие преступные организации. Мафия представляет собой модель, порожденную возникновением капиталистических общественных отношений. Сменяющие друг друга волны бурного развития капитализма и экономических кризисов одинаково легко преодолеваются мафией, располагающей значительными наличными денежными ресурсами. Мафия эффективно решает частные проблемы капитализма, защищая интересы работодателей, запугивая и обеспечивая повиновение наемных работников.

Во *втором параграфе* дается характеристика триад. Триады — преступное сообщество «Неба и Земли» (Тяньдихуэй): а) генетически связано с историей Китая; б) обладает значительным криминальным авторитетом; в) имеет перспективы развития в обозримом будущем; г) имеет солидное научное досье. Сообщество возникло стихийно для реагирования на социальные конфликты среди различных субэтнических групп. На самой ранней стадии развития Тяньдихуэя его члены занимались охранными услугами, которые предлагались торговцам и всем желающим. Вместе с миграционными процессами влияние сообщества распространилось на другие юго-восточные провинции Китая и далее по всему миру. Это было обусловлено гибкой политикой формирования псевдосемейного братства через клятвенные ритуалы, установление системы секретных паролей, знаков и тайных жестов, благодаря которым в любом месте незнакомые члены братства могли узнавать друг друга. Дисциплина сообщества обеспечивается: а) сложным ритуалом вступления в него; б) наличием криминального кодекса; в) суровыми санкциями по отношению к нарушителям принятых правил. Триады имеют псевдорелигиозный характер, что подтверждается обрядовостью, наличием церемоний и приверженностью членов национальному мышлению и ценностям. По мере усиления экономической мощи КНР и руководящей и направляющей роли Коммунистической партии деятельность триад на китайском материке заметно ослабевает. Они попадают под влияние китайских спецслужб и становятся проводниками китайской экспансии в мире. Главное направление развития китайской организованной преступности — вовне. Деятельность триад распространяется на всю Юго-Восточную Азию, включая Вьетнам, Мьянму (Бирму), Таиланд. Влияние триад ощущается в США, Канаде, Латинской Америке, Европе и в России.

Третий параграф содержит анализ японского преступного сообщества Борёкудан (якудза). Эти объединения, использующие насилие, являются составной частью японской Системы власти, в которой выполняют множество функций. Типичная структура преступного сообщества позволяет сочетать иерархический принцип организации с сетевым принципом деятельности. Якудза успешно проникают в легальную сферу предпринимательской деятельности. Бизнес якудза, названный инфильтрационным, характеризует те сферы предпринимательской деятельности, куда проникли преступные сообщества

и стали их неотъемлемой частью. Это сферы банкротства, погашения долгов, аренды, урегулирования споров, реализации прав акционеров, кредитования. Главная тенденция развития японской организованной преступности выражается в ее стремлении «растворения» в легальном бизнесе. Этот процесс преследуют цель вторичной легализации японской организованной преступности в японской Системе власти с делегированием ей определенных функций силового содержания, от которых официальные политические круги желают дистанцироваться.

В *четвертом параграфе* характеризуется воровское сообщество. По поводу возникновения «воров в законе» существуют три гипотезы.

Первая опирается на естественный ход развития событий в криминальном мире, когда его лидеры («иваны») просто оформили в «понятиях» правила жизни в неволе. *Вторая* утверждает, что эти правила были созданы влившимися в уголовный мир деклассированными лицами (в основном, бывшими царскими офицерами). В соответствии с *третьей* «воры в законе» являются порождением изощренного ума одного из начальников ГУЛАГа, Нафталия Френкеля, который имел уголовное прошлое и придумал систему управления политическими заключенными с помощью матерых уголовников.

Результаты проведенного диссертантом опроса показывают, что с первой гипотезой согласились 51,7%, со второй — 24,8%, с третьей — 23,5% респондентов.

Эти данные, по мнению автора, следует суммировать: именно в сумме они содержат истину. Иначе говоря, большая или меньшая часть правды (и именно в изложенных последовательности и пропорциях) содержится в каждом предположении, выражающем определенный подход: этологический, социологический и конспирологический.

В постсоветской России на первый план вышла самая опасная характеристика «воров в законе» — они стали «топ-менеджерами» криминального мира, который имеет сильные позиции не только в неволе. Воровское сообщество довольно глубоко внедрилось в легалистскую среду в явном (через бизнес) и неявном (через механизмы социальной организации, например, институт «смотрящих») виде. При этом правило «все делать чужими руками» для криминальных менеджеров стало приоритетным. Влиятельность воровского сообщества определена двумя главными факторами: 1) криминогенным вектором «реформирования», который обусловил создание благоприятных условий для классического накопления первоначального капитала (преступным путем); 2) криминальной приватизацией, создавшей класс собственников, свободных от каких-либо нравственных принципов и способных воспринимать только угрозы насилия. Поскольку такие угрозы есть атрибут воровского сообщества, то последнее оказалось в идеальных для себя условиях. С приходом нового капитализма в Россию воровское сообщество изменилось, а воры из маргиналов превратились хоть и в теневой, но вполне уважаемый слой рос-

сийского общества. Главное же заключается в том, что воры во имя получения прибыли стали не только активно заниматься бизнесом, но также активно сотрудничать с правоохрнительными органами. Они явно выходят за пределы отведенной им криминальными традициями ниши. Это требует адекватного уголовно-политического реагирования.

Третья глава диссертации «Противодействие организованной преступности: зарубежный и отечественный опыт» включает два параграфа, в которых этот опыт подвергается анализу.

Обобщение зарубежного опыта в *первом параграфе* позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Противодействие организованной преступности в Японии можно выразить в трех словах: признание, убеждение и пресечение. *Признание* выражается в официальной регистрации криминальных ассоциаций и их членов. В результате чего зарегистрированное объединение получает статус открыто выделенной криминальной организации Борёкудан с правом иметь офис, собственный логотип и прочие аксессуары официального признания. Процедура регистрации легализует криминальную ассоциацию в качестве особого вида общественной организации и тем самым дезавуирует саму возможность признания членства в ней преступлением. *Убеждение* заключается в антимафиозной пропаганде, набравшей силу в последнее десятилетие, которая, с одной стороны, развенчивает миф о «красивой» гангстерской жизни, а с другой — показывает высокие социальные риски для членов преступных организаций Борёкудан. *Пресечение* деятельности Борёкудан имеет три актуальных направления: а) повышение эффективности работы специальных подразделений полиции; б) борьба с коррупцией в полиции; в) разрушение социально-экономического пространства вокруг преступных организаций Борёкудан (принятие Руководства по противодействию аффилированию преступного сообщества с легальными компаниями)

2. Итальянский законодатель при характеристике мафиозной деятельности использует понятие ассоциации, которое шире понятия соучастия. Ассоциация в понимании законодателя — это объединение на основе сговора о преступной деятельности, а не совершения умышленного преступления. В уголовном законе отражены типичные признаки преступных сообществ Италии: использование насилия, закон молчания (омерта), инфильтрация в экономическую и политическую деятельность. Уголовный кодекс Италии дополнен ст. 416-тер: «Политико-мафиозный электоральный сговор». В отношении членов криминальных ассоциаций в Итальянской Республике применяются меры безопасности, предусмотренные «Кодексом Антимафия», вступившим в силу в 2011 г. Эти меры предусматривают:

— ограничение личной мобильности члена криминальной ассоциации, что выражается в предписании следовать в передвижениях строго определенному маршруту либо находиться в определенном месте, не покидая его; ограничения в использовании средств связи и технических устройств;

— широкое применение конфискации имущества в порядке гражданского судопроизводства (in rem); эффективное управление конфискованным имуществом;

— информационно-аналитическое обеспечение борьбы с организованной преступностью, включая требование хранения антимафиозной документации, адресованное местным властям.

3. Опыт борьбы с преступностью в США показывает высокую результативность Закона РИКО (The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act), который основан на концепции организационного сговора. Эта концепция, в отличие от концепции соучастия, позволяет эффективно противодействовать любым моделям организованной преступности, включая сетевую модель, где члены преступного сообщества выполняют различные элементы преступной деятельности, не зная о действиях других преступников, осуществляющих различные части общего криминального проекта. Концепция организационного сговора лежит в основе Закона Грузии «Об организованной преступности и рэкете», принятого в 2005 г. и дополненного в 2018 г.¹² Общая часть УК Грузии дополнена ст. 17¹ «Рэкет, занимающаяся рэкетом группировка, рэкетир»; в Особенную часть УК Грузии включены ст. 223¹ «Членство в воровском сообществе, „вор в законе“», ст. 223² «Участие в „воровском сходе“», ст. 223³ «Поддержка деятельности „воровского сообщества“», ст. 233⁴ «Обращение к члену „воровского сообщества“ / „вору в законе“ или получение материальной выгоды либо материального преимущества в результате такого обращения», ст. 224¹ «Участие в группировке, занимающейся рэкетом». Грузинский опыт убеждает в целесообразности его использования в современной России.

Во *втором параграфе* констатируется, что в развитии правового обеспечения борьбы с организованной преступностью в России можно выделить три периода. В *первый* период (1994–1996 гг.) — *чрезвычайный* — принимались экстраординарные меры, призванные подавить возрастающую волну организованной преступности. *Второй* период (1997–2008 гг.) — *легалистский* — характеризуется опорой на новое уголовное, уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство. В этот период в полной мере была осознана общественная опасность экономической организованной преступности. *Третий* период борьбы с организованной преступностью — *ограничительный* — характеризуется введением правовых ограничений в отношении субъектов экономической деятельности. Он начат ликвидацией Департамента МВД России по борьбе с организованной преступностью и терроризмом (2008 г.) и продолжается по настоящее время.

Автор разделяет мнение ученых, что императивом состояния криминологической ситуации в России является принятие Федерального закона «О противо-

---

¹² Об организованной преступности и рэкете : закон Грузии от 18 апреля 2018 г. № 2150 // Законодательный Вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/27814?publication=1>.

действии организованной преступности». При его разработке следует опираться на зарубежный опыт (при раскрытии содержания основных понятий, определении превентивных мер и мер безопасности, использовании комплекса правовых средств пресечения деятельности преступных сообществ и их участников и др.).

Диссертант поддерживает предложение С. Д. Белоцерковского о дополнении УК РФ ст. 35¹ «Преступное сообщество» со следующей редакцией: «Преступное сообщество — объединение лиц, осуществляющих координацию преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами или преступными организациями, разработку планов и создание условий для совершения преступлений такими организованными группами или преступными организациями или раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними с использованием своего влияния на участников таких групп или организаций, а равно участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп или преступных организаций в целях совершения хотя бы одного из указанных деяний»¹³.

Одновременно автор полагает, что законодательные дефиниции экстремистского сообщества и террористического преступного сообщества нельзя признать удачными. Во-первых, потому что они сводят преступное сообщество к организованной преступной группе, которая в иерархии форм соучастия ст. 35 УК РФ находится ниже преступной организации. Иными словами, более опасное криминальное объединение по содержанию признается менее опасным по форме. Во-вторых, они никак не связаны с соответствующими федеральными законами. Предлагаются формулировки экстремистского и террористического сообществ, основанные на общем определении преступного сообщества, которые следует внести в соответствующие федеральные законы.

Экстремистское сообщество — объединение лиц, осуществляющих координацию преступной деятельности экстремистской направленности, создание устойчивых связей между экстремистскими организациями, разработку планов и создание условий для совершения преступлений экстремистской направленности организованными группами или преступными организациями, включая их финансирование, идеологическую и боевую подготовку их членов, а равно участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп или преступных организаций в целях совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности. Такое определение следует включить в виде пункта 2.1 в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Кроме того, названный Федеральный закон должен быть дополнен статьей 1.1. «*Перечень преступлений экстремистской направленности*».

---

¹³ Белоцерковский С. Д. Направления оптимизации уголовного законодательства в контексте оптимизации системы правового регулирования борьбы с организованной преступностью // Lex Russica. 2018. № 1. С. 127–128.

Диспозицию части 1 ст. 282¹ УК РФ «Организация экстремистского сообщества» следует изложить в такой редакции: *«Создание экстремистского сообщества, то есть объединения лиц, осуществляющих координацию преступной деятельности экстремистской направленности, создание устойчивых связей между экстремистскими организациями, разработку планов и создание условий для совершения преступлений экстремистской направленности организованными группами или преступными организациями, включая их финансирование, идеологическую и боевую подготовку их членов, а равно участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп или преступных организаций в целях совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности».*

Террористическое сообщество — объединение лиц, осуществляющих координацию террористической деятельности, создание устойчивых связей между террористическими организациями и их членами, разработку планов и создание условий для совершения преступлений террористической направленности либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, руководство таким террористическим сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а равно участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп или преступных организаций в целях совершения хотя бы одного из преступлений террористической направленности.

Такое определение следует включить в ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» в качестве пункта 2.1. Одновременно эту статью необходимо дополнить пунктом 2.2. *«Террористическая организация — организация, в отношении которой по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, Верховным Судом Российской Федерации принято вступившее в законную силу решение о запрете деятельности в связи с осуществлением террористической деятельности».* Кроме того, названный Федеральный закон должен быть дополнен статьей 3.1 *«Перечень преступлений террористической направленности».*

Диспозицию части 1 ст. 205⁴ УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем» следует изложить в такой редакции:

«Создание террористического сообщества, то есть объединения лиц, осуществляющих координацию террористической деятельности, создание устойчивых связей между террористическими организациями и их членами, разработку планов и создание условий для совершения преступлений террористической направленности либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, руководство таким террористическим сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а равно участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп или преступных организаций в целях совершения хотя бы одного из преступлений террористической направленности».

В **заключении** диссертационного исследования представлены его основные выводы и намечены перспективы дальнейшего исследования темы.

В **приложениях** содержатся сведения о преступных сообществах, официальные списки экстремистских организаций и террористических преступных сообществ, Закон Грузии «Об организованной преступности и рэкете», результаты опросов по теме диссертации.

Основные положения и выводы диссертационного исследования опубликованы в следующих работах:

Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций:

1. *Козловская, М. Г.* Мониторинг правоприменения в России / М. П. Клейменов, Е. С. Иванов, М. Г. Козловская. — Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2017. — № 4. — С. 123–129 (0,62 п. л. / 0,62 п. л.).

2. *Козловская, М. Г.* Групповая и организованная преступность / М. Г. Козловская. — Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного университета. Серия «Право». — 2018. — № 4. — С. 170–174 (0,38 п. л.).

3. *Козловская, М. Г.* Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии / М. Г. Козловская. — Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного университета. Серия «Право». — 2018. — № 2. — С. 175–179 (0,36 п. л.).

4. *Козловская, М. Г.* Нормативный подход к организованной преступности / М. П. Клейменов, И. М. Клейменов, М. Г. Козловская. — Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного университета. Серия «Право». — 2019. — № 1. — С. 99–107 (0,84 п. л. / 0,84 п. л.).

5. *Козловская, М. Г.* Преступное сообщество: криминологический подход / М. Г. Козловская. — Текст : непосредственный // Правоприменение. — 2020. — Т. 4, № 2. — С. 109–116 (0,79 п. л.).

6. *Козловская, М. Г.* Экстремистское преступное сообщество «АУЕ» / М. П. Клейменов, М. Г. Козловская, А. И. Савельев. — Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного университета. Серия «Право». — 2020. — № 4. — С. 99–107 (0,52 п. л. / 0,52 п. л.).

Иные публикации:

7. *Козловская, М. Г.* Некоторые аспекты взаимосвязи незаконного оборота наркотиков, миграции и организованной преступности / С. А. Бучаков, М. Г. Козловская. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : мат-лы XXII междунар.

науч.-практ. конференции (Красноярск, 4–5 апреля 2019 г.). В 2 ч. Ч. 1. — Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2019. — С. 138–139 (0,12 п. л. / 0,12 п. л.).

8. *Козловская, М. Г.* Преступная организация и преступное сообщество / М. Г. Козловская. — Текст : электронный // Правоприменение в публичном и частном праве : мат-лы междунар. науч. конф. (Омск, 29 марта 2019 г.). — Омск : Издательство Омского государственного университета, 2019. — С. 110–111 (0,18 п. л.).

9. *Козловская, М. Г.* Преступное сообщество — это форма соучастия? / М. Г. Козловская. — Текст : непосредственный // Борьба с организованными и проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности. — Москва : Российская криминологическая ассоциация, 2019. — С. 119–123 (0,29 п. л.).

10. *Козловская, М. Г.* Законодательство о борьбе с организованной преступностью в странах СНГ / М. Г. Козловская. — Текст : непосредственный // Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 20–22 мая, 2020 г.). — Новосибирск : Новосибирский государственный университет экономики и управления, 2020. — С. 79–86 (0,42 п. л.).

11. *Козловская, М. Г.* Общеуголовные преступные сообщества в историческом контексте / М. Г. Козловская. — Текст : электронный // Правоприменение в публичном и частном праве : мат-лы междунар. науч. конф. (Омск, 27 марта 2020 г.). — Омск : Издательство Омского государственного университета, 2020. — С. 95–98 (0,24 п. л.).

Подписано в печать ____ .05.2021

Усл. печ. л. 1,4

Тираж 130 экз.

Уч.-изд. л. 1,5

Заказ № ____